

1988: 83]. Таким образом, баранина в религиозно-обрядовом контексте наполняет церемонию чувством коллективизма и создает праздничную атмосферу.

Свинина — *сысна какайё* — не употребляется чувашами, придерживающимися своей древней религии. Например, в рукописи XVIII в. читаем: «Пребывающие из них в языческом суеверии свиногою гнушаютца» [РГВИА, ф. ВУА. 19026: 259]. Особенно это относится к чувашам Симбирской губ. Исследователи единогласно говорят о влиянии татарской (шире — исламской) традиции. В Коране свинина приравнена к мертвечине и крови [Коран 5: 4; 16: 116].

1.3. Жертвы растительно-животного происхождения

Пирог — *кукӑль*. Чаще всего чувашаи готовят пироги с капустой. В качестве начинки используют также тыкву, морковь, картофель и т.д.

Слово имеет этимологические соответствия в финно-угорских и тюркских языках.

Пироги — обязательная пища в обряде *сурхури*. Их пекут также на *пукрав* и *кёр сӑри* [Поле 89: 67; ЧГИ 145: 458; Канюков 1964: 47 и др.].

Семантическое поле слова *кукӑль* многоаспектно, но основная группа связана с такими понятиями, как «родня», «домашнее тепло», «девушка», «женщина». В гостевых песнях, в частности, поют:

Родные, любим мы вас,
От всей души вы любите нас.
Когда испечете пироги из ягод,
Пригласите-ка нас кушать.

Родные, мы любим вас,
От всей души вы любите нас.
Когда испечете пироги из грибов,
Пригласите-ка нас кушать [Юмарт 1979: 183].

Как видим, здесь пироги выступают в качестве символа родственных связей. Не пригласить на пироги — значит порвать связь с родными. Это касается отношений не только между родственными домами, но и частных родственных уз. Поэтому в одной песне молодой человек кается, что не смог наладить отношения с невесткой [Ашмарин 1934: 261]. Причина — в том, что он не догадался заготовить дрова, когда невестка собиралась печь пироги. Иными словами, приготовление и употребление пирога — общее дело близких родственников.

Вербальный текст обряда закрывания пирогов в *пукрав* в основном выглядит следующим образом: «Вот нынче мы закрываем тепло. Теперь в нашем доме всю зиму будет тепло» [Поле 89: 67]. Иными словами, символика домашнего тепла — другой аспект восприятия пирога.

Поедание пирога без повода в определенном контексте равносильно покушению на девичью честь:

Аршинной длины мясной пирог,
Коль не хочешь есть — не починай.
Ах, Васили, Васили,
Коль не хочешь брать — не заговаривай [Юмарт 1979: 273].

Здесь «пирог» и «девушка», от имени которой ведется повествование, предстают как явные параллели. На удмуртской свадьбе, когда «в назначенный для сговора день приезжают в дом невестин сват, сватья и жених», их в первую очередь угощают пирогами [Гаврилов 1880: 172–173]. Это должно означать следующее: совместное поедание пирога устанавливает регламентированное право называться женихом и невестой, оно является той линией, за которой находится понятие «брачное родство».

В другом стихе на одном уровне «пирог» и «постель». Советуют не класть в пирог дикий лук в качестве начинки, а недостойных парней не подпускать к постели.

Отрезание носа у пирога должно означать выход девушки замуж:

Мать режет пирог —
Видимо, полагает, что дочь выходит замуж,
А у меня и в мыслях нет [Юмарт 1979: 237].

Тот, кто кушает нос пирога,
Неужели думает, что кушает пирог.
Тот, кто берет невесту из деревни Юспан,
Неужели думает, что берет жену [ЧГИ 183: 127].

Здесь молодому объясняют, что пирог ценен не носом, а начинкой, а жена — не лицом, а целомудрием.

Рассуждения о символике пирога подводят нас к следующему выводу: в метаязыке чувашской речи под *кужаль* подразумевают женский половой орган [Ашмарин 1934: 261]. Тот же смысл, видимо, содержится в русском обряде под названием «Пирожки» — пир на другой день после

свадьбы, который устраивается молодыми для мужниной родни [Даль 1982: 112]. Цель представления молодых мужской стороне — в первую очередь оценка достоинств молодой после брачной ночи. Ведь початый пирог не подают на стол.

В дополнение к сказанному можно привести пример из новогоднего речитатива *сурхури*. Здесь дети-обходчики спрашивают разрешения войти в дом у хозяина-мужчины, а угощение-пирог выпрашивают у жены хозяина [Тукташ 1949: 46]. Вновь символика пирога связана с женщиной.

В круг совместимых с пирогами жертвенных продуктов входят яйцо и яичница, блины, колобок, сырки и курятина [Поле 89: 91; ЧГИ 145: 458, 468].

Пироги в обрядах можно заменить блинами. Так поступают, например, в *сурхури* [Поле 89: 32].

Ватрушка — *пүремеч* — круглая лепешка с открытым слоем творога или картофеля, которую готовят из пшеничной муки, пекут на сковороде. На стол подают по праздникам. Поэтому поговорка гласит: «Не всегда пүремеч, надо и хлеб кушать» [Ашмарин 1936: 84].

Слово распространено в Урало-Поволжском регионе: удм. *перепеч*, мар., татар. *перемеч*, башк. *бэрэмэс*. О типологии приготовления говорят названия — чуваш. «творожная ватрушка», «картофельная ватрушка», англ. «творожный торт», башк., татар. «творожная ватрушка».

Ватрушка наиболее распространена в ритуалах *мункун* и *юна*.

1.4. Жертвы возлиянием

Вино (водка) — *эрех* (*эрек, эреке; анишарли; кямйаска, кямйшка, кумйшка; ханиш*). Согласно зафиксированным источникам, этот домашний напиток в обряде *юна* используется чаще, чем в остальных ритуалах [Поле 90: 184; РНБ. Q.IV. 379: 19, 20 и др.]. Согласно записи середины XIX в., в *юна* каждый из пришедших родственников по старшинству садится за стол, отвеживает пищу, отпивает пива и вина. Но вначале часть съестного и напитков следует отделить в особую посуду, сделать поклон умершему родственнику, который, по верованию чувашей, последний раз присутствует в своем доме. Вечером провожать умершего родственника на кладбище отправляется пять человек, они берут с собой блины, пиво и *эрех*. По аналогичному случаю удмурты варят пиво и кумышку, суп, пекут пирожки и блины [Гаврилов 1880: 186]. Кстати, чувашские названия вина имеют свои исторические аналоги в различных местах. Так, ульяновские некрещеные чуваше и удмурты одинаково называют его *кумйшка/кумышка*. *Эрех* исходит из арабского и значит «испарение».